

Когда-то типичной ночью для Белла было просто рухнуть в изнеможении на кровать, если ему везло, или на спальный мешок, или даже просто на холодную твердую землю, если все шло плохо. Может быть, если у него были силы, а желания были слишком сильны, он ждал, пока Гестия заснет, и дрочил несколько раз, чтобы помочь себе заснуть. Но те дни прошли, и Белл не мог быть счастливее. Отказ от своей цели создать гарем не был неохотным, но теперь, когда ошибки и неудачные планы Локи преподнесли ему его на блюдечке с голубой каемочкой, он не испытывал ничего, кроме величайшей радости от того, что каждая ночь превращалась в извивающуюся, жаркую, умопомрачительную оргию беловолосого искателя приключений и четырех прекрасных женщин, предающихся необузданному сексуальному блаженству.

Белл лежал на кровати, свесив ноги с края, пока весь его гарем боролся за его тело. Четыре девушки, которые позволяли ему, означали, что он должен был найти творческие способы предложить им как можно больше своего тела, и, к счастью, на этот раз он нашел хороший способ сделать это. Айз сидела на его лице, язык Белла скользил по ее влажной киске, его руки крепко держали ее великолепные ягодички, когда он водил бедрами вперед-назад, чтобы провести ее киской по своим жаждущим губам. Тионе скакала на его члене в обратном порядке, ее груди возбужденно вздымались, когда она опустила руки на бедра, делая все возможное, чтобы подпрыгивать на нем со всей силы.

Опустившись на колени между раздвинутыми ногами обеих, Тиона лизала вверх и вниз то место, где член встречался с киской, обожая и ствол Белла, и половые губы сестры в неистовых облизываниях, так как весь терпкий нектар, вытекающий из киски ее близняшки, возбуждал ее и вызывал голод. В какой-то степени контролируя ситуацию, самодовольная Гестия привалилась спиной к изголовью кровати, положив одну ногу на грудь любовника, а ноги раздвинула, пальцами искусно и отчаянно работая над своей киской, принимая все это. Сперма вытекала из ее дырочки, так как ей посчастливилось первой попробовать Белла в ту ночь, и она играла с его спермой, засовывая ее обратно в свою мокрую дырочку, наблюдая, как другие наслаждаются им. Ей следовало бы ревновать, но она никак не могла этого сделать.

Любовь в этой комнате была слишком реальной, она была электризующей и затягивающей магией даже без наложенного на них заклинания похоти. Даже острые ощущения от занятий развратом с тремя излюбленными и самыми любимыми авантюристами Локи стали второстепенными по сравнению с простым блаженством от того, что они все вместе, что они уютно устроились и любят друг друга. Это было больше, чем просто разделить Беллу; они все были разделены, и все они были так счастливы быть разделенными.

Но не больше, чем Белл, который нашел лучший в мире компромисс в вопросе о том, что все женщины сохнут по нему.

Успехи Беллы дошли до его головы. Это было трудно сделать, когда он проводил ночи с четырьмя великолепными женщинами, извивающимися друг над другом в его постели, а Локи была в ярости, но трое из ее самых доверенных членов семьи были так настойчивы, что она не могла сопротивляться их требованиям. Но, к счастью для Локи, пока Белла размышляла о девушках для пополнения своего гарема, он был уверен, что было бы неплохо пойти и разделить любовь со столькими девушками, сколько он сможет найти, по крайней мере, с теми,

которые его привлекают. И ему не потребовалось много времени, чтобы заглянуть в свою собственную семью, к девушке, чье неофициальное "членство" делало ее единственной другой представительницей семьи Гестии, Лилируке.

Невероятно коротенькая помощница была очаровательна, и ее чувства к Белле ему было несложно разгадать, если только он хорошо соображал в этом вопросе, а Гестия подсказывала ему правильное направление. Она казалась отличным дополнением, совершенно очаровательной и, судя по тому, как она смотрела на группу девушек, прислонившихся к Белле, и была движима не столько завистью, сколько чувством, что ее оставили в стороне. Это было немного неловко - быть единственным "другим членом" семьи Гестии и постоянно находиться рядом с растущим гаремом, даже не получив предложения присоединиться. Белл глубоко заботился о Лили, и он не хотел, чтобы она чувствовала себя обделенной или исключенной, так что приглашение было вполне разумным решением. Кроме того, она была с ним все это время, настолько преданная - по крайней мере, после того, как он заслужил эту преданность, а она решила остаться с ним, а не грабить его вслепую - что в любом случае заслуживала шанса присоединиться. Она заслужила это так же, как заслужила его расположение.

Он выбрал уединенный участок подземелья. Конечно, не самое лучшее место для этого, но он хотел сделать это как можно дальше от всех, зная, насколько она застенчива. "Привет, Лили?" - спросил он ее, когда они уселись возле своих пакетов и наслаждались обедом. "Мне немного неловко говорить, поэтому заранее прошу прощения, но... Ты ведь знаешь о том, что сейчас происходит со мной, Гестией и некоторыми другими девушками?".

Глаза Лилируки расширились, и она попыталась немного натянуть капюшон, но яркость на щеках было невозможно скрыть, так как она распространилась по ее лицу. "Да", - просто сказала она, пытаясь вместо этого поднести еду ко рту и прикрыть щеки, но это опять было бесполезно. "Я... было трудно не заметить. Вы пятеро были очень шумными последние несколько ночей".

Беллу потребовалась секунда, чтобы понять, что Лили имеет в виду, прежде чем он понял, что грубые, ничем не ограниченные оргии, которые стали происходить в его комнате каждую ночь, вероятно, производили довольно много шума, и девушка, спящая в соседней комнате, должна была слышать все эти приглушенные звуки. "О! О, мне так жаль, Лили, я даже не подумала об этом".

"Все в порядке", - сказала невысокая девушка таким тоном, который подразумевал, что все не в порядке. "А что?"

"Ну, я подумала, раз уж ты собираешься путешествовать с нами, и поскольку я думаю, что ты действительно замечательная, я подумала, не хочешь ли ты присоединиться".

Из всех возможных вещей, которые Белла могла сказать о гареме, Лили больше всего думала об этом, но меньше всего ожидала именно этого. Ее глаза расширились, и смущение еще больше разгорелось на ее лице. Неловкий ответ ничуть не помог ей, потому что все в ней говорило о том, что она с радостью согласится, когда она пискнула нервное, дрожащее: "Нет,

спасибо. Прости, Белл".

Противоречивые ответы привели человеческого мальчика в замешательство, но он сохранял дистанцию, глядя на нее с явным беспокойством на лице, понимая, что что-то не так, но не желая при этом нагнетать обстановку и физически прижиматься к ней. Рост Лилируки составлял три фута и семь дюймов, и невозможно было не выглядеть устрашающе, просто глядя на нее с почти двухметровым ростом. "Ты уверена?" - спросил он, стараясь, чтобы его голос был спокойным и ровным. "Потому что ты выглядишь так, будто действительно хочешь принять в этом участие, Лили. Что-то не так?"

Низкорослая девушка подняла на Белла глаза, очень сомневаясь в том, что она собирается сделать, но очевидно, что другого выхода не было. "Я доверяю тебе, Белл, и поэтому собираюсь показать тебе то, о чем ты никогда и никому не сможешь рассказать. Это причина, по которой ты никогда не сможешь полюбить меня". Она уверенно поднялась на ноги, дрожа от того, что наконец-то показала Беллу то, чего, как она надеялась, никогда не будет. Он был ей очень дорог - первый человек, который за долгое время относился к ней как к личности, заслуживающей ласки и доброты, - но она всегда смирялась с тем, что тоскует. Теперь она собиралась показать ему, почему это так. Она сняла плащ, обнажив довольно скудное одеяние: рваный топ и короткие шорты с пуговицей и поясом, который она никогда не застегивала. Была веская причина, по которой она держала в узде это дополнительное обтягивающее белье, и сейчас она продемонстрировала ему это, когда спустила юбку с обтянутых чулками ног, а затем сделала то же самое с трусиками, плотно закрыв глаза, чтобы не видеть реакции Белла на это зрелище.

Белл задохнулся, когда Лилирука разделась до пояса, не надев ничего, кроме черных бедер. Он сразу же увидел причину ее беспокойства: прямо над ее пухлой киской находился не маленький клиторальный узелок, а симпатичный, крошечный член, стоящий прямо, но длиной не более четырех дюймов, невероятно тонкий и совершенно безволосый. По вполне понятным причинам это застало Белла врасплох, и мальчик задохнулся, глядя на него, совершенно не в силах отвести взгляд. "Она очень милая", - сказал он, и это была его искренняя первая мысль и реакция, которая пришла ему в голову, а не беспокойство или паника. "Я не понимаю, в чем проблема, Лили".

Это заставило девушку открыть глаза, и открыть широко. "Что?" - спросила она, удивленная его замечанием. "Т-ты не видишь?" Она не ожидала от него такого, даже несмотря на всю ту доброту, которой он ее осыпал. "Но я урод, Белл. Гермафродит. Это стыдно, и я не могу присоединиться к твоему гарему, потому что я..." Она задрожала, чувствуя на себе взгляды, странно обожающие и оценивающие, что, в свою очередь, только смутило ее, так как она извивалась. "Я...", - попыталась она повторить, все еще не находя подходящего способа выразить словами свои чувства.

"Нет, это не так", - сказал Белл, наконец, придвинувшись к ней и покачав головой. "Я обещаю, Лили, ты не уродка, и это не мешает мне любить тебя. И я готов поспорить, что другим девушкам это тоже понравится. Ты симпатичная, и это мило, и тебе нечего стыдиться, я обещаю". Он подошел ближе, и Лили посмотрела на него, все еще встревоженная и покрасневшая, но, похоже, поверившая ему, привлеченная тем, как он медленно надвигался на нее, заботливо, медленно и с любовью, насколько это вообще возможно.

"Ты действительно это имеешь в виду?" - спросила она, широко раскрыв глаза от восторга и чувства полного возбуждения; она чувствовала себя уродом, так стыдилась своего тела, но Белл казался таким теплым и обожающим то, что вызывало ее беспокойство и ненависть все это время, и она не могла не поверить, что он искренен. "Я верю тебе, Белл. И мне... так неловко просить, но я никогда раньше не верила, что ты можешь подумать, что это приятно. Не могла бы ты сделать мне минет?" Она не могла поверить, что ей удалось вымолвить эти слова, и тут же откинула голову назад, так как жжение на ее щеках стало еще жарче; это было так неловко.

Но Белле эта просьба не показалась такой уж странной: она смотрела на Лилируку с предвкушающей улыбкой. "Конечно, Лили", - сказал он ободряюще, готовый показать ей, что он не только готов любить ее, но и хочет этого, возможно, даже больше, чем раньше, когда она встала на колени перед исправившимся вором, обхватив рукой член. Он услышал, как она потрясенно вздохнула, когда маленький член дернулся в его руке, казалось, очень чувствительный и очень восприимчивый к его прикосновениям. Медленными, уверенными движениями вперед и назад он пытался заставить Лилируку реагировать сильнее, а Белл удобно устроился перед ней, широко улыбаясь. "С удовольствием", - добавил он.

Именно эти последние слова заставили лицо невысокой девушки озариться широкой улыбкой. Она все еще сдерживала смущение и беспокойство по этому поводу, но в его словах было искреннее тепло, так как он начал с рукоблудия. Что-то честное в том, как он говорил с ней, как прикасался к ней, заставило ее почувствовать себя любимой, когда он коснулся ее члена, когда он положил руку прямо на то место, которое, как она предполагала, означало, что он никогда не полюбит ее. На самом деле, он не только гладил ее член, но даже наклонился, чтобы чмокнуть ее в губы, подарив ей глубокий поцелуй прямо в губы, когда она застонала от смущения и восторга одновременно. Она не могла поверить в свою удачу, когда протянула руки, чтобы схватить Белла за белые волосы, удерживая его в поцелуе, поскольку первый акт смелости и прямой привязанности, который она еще не проявляла, прорвался наружу.

<http://erolate.com/book/3182/76815>